

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

РОМАН В СТИХАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЛЛЮМИНАТОР»
МОСКВА 2023

I

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
3 Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример другим наука;
6 Но, боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
9 Какое низкое коварство
Полу-живого забавлять,
Ему подушки поправлять,
12 Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же чорт возьмет тебя!»

Лотман | с. 154–156

II

Так думал молодой повеса,
Летя в пыли на почтовых,
3 Всевышней волею Зевеса
Наследник всех своих родных. –
Друзья Людмилы и Руслана!
6 С героем моего романа
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас:
9 Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы,
Где может быть родились вы,
12 Или блистали, мой читатель;
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня¹.

Лотман | с. 156–158

III

Служив отлично-благородно,
Долгами жил его отец,
3 Давал три бала ежегодно
И промотался наконец.
Судьба Евгения хранила:
6 Сперва *Madame* за ним ходила,
Потом *Monsieur* ее сменил;
Ребенок был резов, но мил.
9 *Monsieur l'Abbé*, француз убогой,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя,
12 Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости бранил,
И в Летний сад гулять водил.

Лотман | с. 158–159

IV

Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,
3 Пора надежд и грусти нежной,
Monsieur прогнали со двора.
Вот мой Онегин на свободе;
6 Острижен по последней моде;
Как *dandy*² лондонской одет –
И наконец увидел свет.
9 Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал,
12 И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил.

Лотман | с. 159–164

*Словно грядущий, свершающийся — тогда не застыл
и не улетел
и не улетел*

XLVI

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей;
3 Кто чувствовал, того тревожит
Призрак невозвратимых дней:
Тому уж нет очарований,
6 Того змия воспоминаний,
Того раскаянье грызет.
Всё это часто придает
9 Большую прелесть разговору.
Сперва Онегина язык
Меня смущал; но я привык
12 К его язвительному спору,
И к шутке, с желчью пополам,
И злости мрачных эпиграм.

Лотман | с. 217–218
219–220

XLVII

Как часто летнею порою,
Когда прозрачно и светло
3 Ночное небо над Невою⁸,
И вод веселое стекло
Не отражает лик Дианы,
6 Воспомня прежних лет романы,
Воспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, беспечны вновь,
9 Дыханьем ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Как в лес зеленый из тюрьмы
12 Перенесен колодник сонный,
Так уносились мы мечтой
К началу жизни молодой.

Лотман | с. 217–218
221

XLVIII

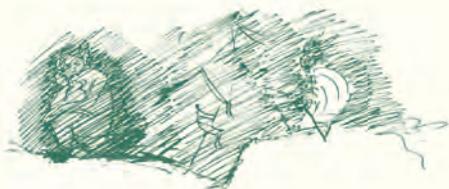
С душою, полной сожалений,
И опершись на гранит,
3 Стоял задумчиво Евгений,
Как описал себя Пиит⁹.
Всё было тихо; лишь ночные
6 Перекликались часовые;
Да дрозжек отдаленный стук
С Мильонной раздавался вдруг;
9 Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей реке:
И нас пленяли вдалеке
12 Рожок и песня удаляя...
Но слаще, средь ночных забав,
Напев Торкватовых октав!

*Лотман | с. 217–218
221–224*

XLIX

Адриатические волны,
О Брента! нет, увижу вас,
3 И, вдохновенья снова полный,
Услышу ваш волшебный глас!
Он свят для внуков Аполлона;
6 По гордой лире Альбиона
Он мне знаком, он мне родной.
Ночей Италии златой
9 Я негой наслажусь на воле
С венецианкою младой,
То говорливой, то немой,
12 Плывя в таинственной гондоле;
С ней обретут уста мои
Язык Петрарки и любви.

*Лотман | с. 217–218
224–225
225*

XXVII

но куклы — ^{как} в эти годы
Татьяна в руки не брала
Матильды в руки не брала

Но куклы даже в эти годы
Татьяна в руки не брала;
3 Про вести города, про моды
Беседы с нею не вела.
И были детские проказы
6 Ей чужды: страшные рассказы
Зимою в темноте ночей
Пленили больше сердце ей.
9 Когда же няня собирала
Для Ольги на широкий луг
Всех маленьких ее подруг,
12 Она в горелки не играла,
Ей скучен был и звонкий смех,
И шум их ветреных утех.

Лотман | с. 265–266

XXVIII

Она любила на балконе
Предупреждать зари восход,
3 Когда на бледном небосклоне
Звезд исчезает хоровод,
И тихо край земли светлеет,
6 И вестник утра, ветер веет,
И всходит постепенно день.
Зимой, когда ночная тень
9 Полмиром доле обладает,
И доле в праздной тишине,
При отуманенной луне,
12 Восток ленивый почивает,
В привычный час пробуждена
Вставала при свечах она.

XXIX

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли всё;
3 Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо.
Отец ее был добрый малой,
6 В прошедшем веке запоздалый;
Но в книгах не видал вреда;
Он, не читая никогда,
9 Их почитал пустой игрушкой,
И не заботился о том,
Какой у дочки тайный том
12 Дремал до утра под подушкой.
Жена ж его была сама
От Ричардсона без ума.

Лотман | с. 266

XXX

Она любила Ричардсона,
Не потому, чтобы прочла,
3 Не потому, чтоб Грандисона
Она Ловласу предпочла¹⁴;
Но встарину княжна Алина,
6 Ее московская кузина,
Твердила часто ей об них.
В то время был еще жених
9 Ее супруг, но по неволе;
Она вздыхала по другом,
Который сердцем и умом
12 Ей нравился гораздо боле:
Сей Грандисон был славный франт,
Игрок и гвардии сержант.

Лотман | с. 266–268

Она любила Ричардсона
Не потому чтобы прочла
Не потому что предпочла

XXXV

*Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод;
В день троицын, когда народ
Зевая слушает молебен,
Умильно на пучок зари
Они роняли слезки три;
Им квас как воздух был потребен,
И за столом у них гостям
Носили блюда по чинам.*

Лотман | с. 271–276

- Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
3 У них на масленице жирной
Водились русские блины;
6 Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод;
В день троицын, когда народ
9 Зевая слушает молебен,
Умильно на пучок зари
Они роняли слезки три;
12 Им квас как воздух был потребен,
И за столом у них гостям
Носили блюда по чинам.

XXXVI

И так они старели оба.
И отворились наконец
3 Перед супругом двери гроба,
И новый он приял венец.
Он умер в час перед обедом,
6 Оплаканный своим соседом,
Детьми и верною женой
Чистосердечней чем иной.
9 Он был простой и добрый барин,
И там, где прах его лежит,
Надгробный памятник гласит:
12 *Смиренный грешник, Дмитрий Ларин,
Господний раб и бригадир
Под камнем сим вкушает мир.*

Лотман | с. 276

I

Заметив, что Владимир скрылся,
Онегин, скукой вновь гоним,
3 Близ Ольги в думу погрузился,
Довольный мщением своим.
За ним и Олинька зевала,
6 Глазами Ленского искала,
И бесконечный котильон
Ее томил как тяжкий сон.
9 Но кончен он. Идут за ужин.
Постели стелют; для гостей
Ночлег отводят от сеней
12 До самой девичьи. Всем нужен
Покойный сон. Онегин мой
Один уехал спать домой.

Лотман | с. 391

II

Всё успокоилось: в гостиной
Храпит тяжелый Пустяков
3 С своей тяжелой половиной.
Гвоздин, Буянов, Петушков
И Флянов, не совсем здоровый,
6 На стульях улеглись в столовой,
А на полу мосье Трике,
В фуфайке, в старом колпаке.
9 Девицы в комнатах Татьяны
И Ольги все объаты сном.
Одна, печальна под окном
12 Озарена лучом Дианы,
Татьяна бедная не спит
И в поле темное глядит.

Лотман | с. 391

III

Его неожиданным появлением,
Мгновенной нежностью очей
3 И странным с Ольгой поведением
До глубины души своей
Она проникнута; не может
6 Никак понять его; тревожит
Ее ревнивая тоска,
Как будто холодная рука
9 Ей сердце жмет, как будто бездна
Под ней чернеет и шумит...
«Погибну», Таня говорит,
12 «Но гибель от него любезна.
Я не ропщу: зачем роптать?
Не может он мне счастья дать». –

Лотман | с. 392

IV

Вперед, вперед, моя история!
Лицо нас новое зовет.
3 В пяти верстах от Красногорья,
Деревни Ленского, живет
И здравствует еще доньше
6 В философической пустыне
Зарецкий, некогда буян,
Картежной шайки атаман,
9 Глава повес, трибун трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отец семейства холостой,
12 Надежный друг, помещик мирный
И даже честный человек:
Так исправляется наш век!

Лотман | с. 393–394

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА

Всего было три тысячи двести человек
Бегущих к нам нагнать сзади

Кто поспешнее уйдет домой
Или кто успеет выжить

Кто успеет выжить и кто не успеет

РАСШИФРОВКА

Читая последовательно первый стих правой страницы, затем 17-й стих той же страницы (после черточки), далее первый стих левой страницы и наконец 17-й стих левой страницы, затем в той же последовательности следующие стихи, получаем начальные четверостишия строф:

<1>

Вл<аститель> слабый и лукавый
Плешивый щеголь враг труда
Нечаянно пригретый славой
Над нами ц<арство>вал тогда

Лотман | с. 547–549

<2>

Его мы очень смиренным знали
Когда ненаши повара
Орла двуглавого щипали
У Б<онапартова> шатра

Лотман | с. 549–550

<3>

Гроза 12 года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа
Б<арклай>, зима иль р<усский> б<ог>

Лотман | с. 550–554

<4>

Но бог помог – стал ропот ниже
И скоро силою вещей
Мы очутились в П<ариже>
А р<усский> ц<арь> главой ц<арей>

Лотман | с. 554

<5>

И чем жирнее тем тяжеле
О р<усский> глупый наш н<арод>
Скажи зачем ты в самом деле¹

Лотман | с. 554–555

1 Четвертый стих этой строфы в ряду зашифрованных строк явно пропущен.

<6>

Авось, о Шиболет народный
Тебе б я оду посвятил
Но стихоплет великородный
Меня уже предупредил
.....
Моря достались Албиону¹

Лотман | с. 555–558

<7>

Авось аренды забывая
Ханжа запрется в монастырь
Авось по манью <Николая>
Семействам возвратит <Сибирь>
.....
Авось дороги нам исправят

Лотман | с. 558–559

<8>

Сей муж судьбы, сей странник бранный
Пред кем унизились ц<ари>
Сей всадник Папою венчанный
Исчезнувший как тень зари
.....
Измучен казнию покоя

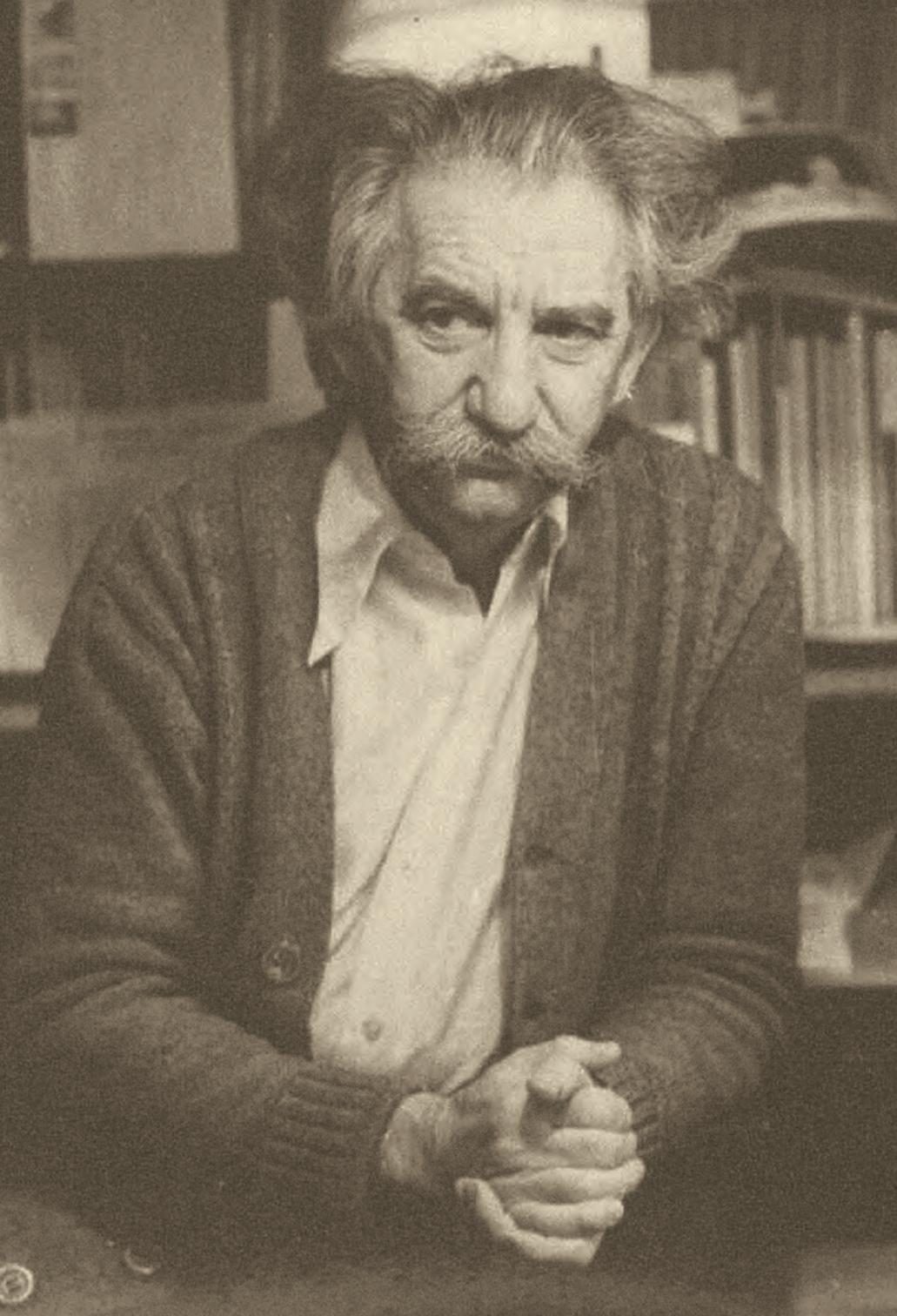
Лотман | с. 559–560

<9>

Тряслися грозно Пиринеи –
Волкан Неаполя пылал
Безрукий князь друзьям Мореи
Из К<ишинева> уж мигал
.....
Кинжал Л<?> тень Б<?>²

Лотман | с. 560–561

-
- 1 Эту строку, как и в дальнейшем, берем из второго столбца левой страницы. По-видимому, это девятые стихи соответствующих строф.
 - 2 Невозможно установить, представляют ли собою «Л» и «Б» буквы или условные значки.

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ЛОТМАН

РОМАН
А. С. ПУШКИНА
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»
КОММЕНТАРИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЛЛЮМИНАТОР»
МОСКВА 2023

Винтерхальтер Ф. К.

Мария Ивановна Бек, супруга графа Александра Николаевича Ламздорфа. 1859.
 Метрополитен-музей, Нью-Йорк

и Н. М. Карамзина – произошел поистине поразительный сдвиг: если в середине XVIII столетия читающая дворянка – явление редкостное, то поколение Татьяны можно было представить

...барышней уездной,
С печальной думою в очах,
С французской книжкою в руках
(8, V, 12–14).

Еще в 1770-е гг. на чтение книг, в особенности романов, часто смотрели как на занятие опасное и для женщины не совсем приличное. А. Е. Лабзину – уже замужнюю женщину (ей, правда, было неполных 15 лет!), отправляя жить в чужую семью, наставляли: «Ежели тебе будут предлагать книги какие-нибудь для прочтения, то не читай, пока не просмотрит мать твоя <имеется в виду свекровь. – Ю. Л.>. И когда уж она тебе посоветует, тогда безопасно можешь пользоваться» (*Лабзина А. Е. Воспоминания. СПб., 1914. С. 34*). В дальнейшем Лабзина провела некоторое время в доме Херасковых, где ее «приучили рано вставать, молиться богу, утро заниматься хорошей книгой, которые мне давали, а не сама выбирала. К счастью, я еще не имела случая читать романов, да и не слыхала имени сего. Случалось раз начали говорить о вышедших вновь книгах и помянули роман, и я уж несколько раз слышала. Наконец спросила у Елизаветы Васильевны <Е. В. Херасковой, жены поэта. – Ю. Л.>, о каком она все говорит Романе, а я его у них никогда не вижу» (Там же. С. 47–48). В дальнейшем Херасковы, видя «детскую невинность и во всем большое незнание» Лабзиной, отсылали ее из комнаты, когда речь заходила о современной литературе. Существовали, конечно, и противоположные примеры: мать Леона в «Рыцаре нашего времени» Карамзина оставляет герою в наследство библиотеку, «где на двух полках стояли романы» (*Карамзин-2. Т. 1. С. 64*). Молодая дворянка начала XIX в. – уже, как правило, читательница романов. В повести некоего В. З. (вероятно, В. Ф. Вельяминова-Зернова) «Князь В-ский и княгиня Щ-ва, или Умереть за отечество славно, новейшее происшествие во времена кампании французов с немцами и россианами 1806 года, российское сочинение» описывается провинциальная барышня, живущая в Харьковской губернии (повесть имеет фактическую основу).

Брегет & сыновья. Часы в форме лиры. Ок. 1820–1830. Рейксмузеум, Амстердам

конторкой и лишь один час – за обедом? Чтобы вовремя прийти туда, куда он приглашен? – скажете вы; согласен, но – прибавил я, небрежно играя самым прелестным из моих завитков, – если человек достоин того, чтобы его пригласить, он, разумеется, достоин и того, чтобы его подождать» (*Бульвер-Литтон*. С. 74).

Прозвонит ему обед. – Карманные часы «с репетицией» были снабжены механизмом, который, если надавить на специальную пружинку, «отзванивал» время. Таким образом, время можно было узнавать, не раскрывая крышки, прикрывавшей циферблат.

Мода на часы фирмы «Брегет» поддерживалась не только их точностью, но и тем, что А.-Л. Бреге никогда не производил двух одинаковых часов. Каждый образец был уникальным. В музейном собрании Московского Кремля хранится брегет с семью циферблатами, показывающий часы, минуты, месяцы календаря Великой французской революции (часы производства 1792 г.) и григорианского календаря, дни недели и декады.

XVI

2

«Пади, пади!» раздался крик... – «Пади!» – крик форейтора, разгоняющего пешеходов. Быстрота езды по людным улицам составляла признак щегольства. «...Все, что было аристократия или претендовало на аристократию, ездило в каретах и колясках четвернею, цугом, с форейтором. Для хорошего тона, или, как теперь говорят, для *шика*, требовалось, чтобы форейтор был, сколь можно, маленький мальчик, притом чтобы обладал одною, насколько можно, высокою нотой голоса <...> Ноту эту, со звуком и!..., обозначающим сокращенное „поди“, он должен был издавать без умолку и тянуть как можно долее, например, от Адмиралтейства до Казанского моста. Между мальчиками-форейторами завязалось благородное соревнование, кто кого

перекричит...» (Пржецлавский О. А. Воспоминания // Помещичья Россия... С. 67–68).

К Талон помчался: он уверен, / Что там уж ждет его Каверин. –

Ресторан Талон существовал до весны 1825 г. Он находился на Невском проспекте (ныне д. 15, в его помещении теперь находится кинотеатр «Баррикада»). Каверин Петр Павлович (1794–1855) – приятель П в лицейские и петербургские годы. Учился в Геттингене (1810–1811), служил в лейб-гусарском и Павлоградском гусарском полках. Был известен разгульным поведением

и свободомыслием, член Союза Благоденствия. См. стихотворения П «К портрету Каверина» и «К Каверину». Весельчак, известный повеса, легко делавший и плохо отдававший долги, гусар и дуэлянт, Каверин был одновременно членом «Зеленой лампы», другом Н. И. Тургенева (несмотря на недоразумения, вызванные его беспечностью в денежных делах), Грибоедова, Пушкина, Вяземского и Лермонтова. Лучше всего Каверина характеризует письмо Тургенева к брату Сергею от 29 мая 1818 г. Рассказав о крепостнических выходках своего двоюродного брата «гносного Бориса», Тургенев продолжает: «Сравни же с этим поступок *повесы* <подчеркнуто Н. Тургеневым. – Ю. Л.> Каверина, к которому кучер принес 1000 рублей и просил за это свободы. Он ему отвечал, что дал бы ему свои 1000 р. за одну идею о свободе: но, не имея денег, дает ему отпускную» (Тургенев. С. 261). Сводя Онегина с Кавериним, П вводил героя в свое собственное близкое окружение.

Вошел: и пробка в потолок... – Стихи нагнетают одновременно бытовые и литературные детали: *вино кометы* – шампанское урожая 1811 г., года кометы (см.: Кузнецов Н. Вино кометы // Пушкин и его современники. Вып. XXXVIII–XXXIX. Л., 1930.

5–6

Бреге & сыновья. Часы.
Ок. 1795.
Рейксмузеум, Амстердам

7–14

Иллюстрация из французского журнала *Journal des dames et des modes*.
10 сентября 1824. Рейксмузеум, Амстердам

Бегров К. П. *Река Нева.* Ок. 1800–1850.
Метрополитен-музей, Нью-Йорк

Текст строфы насыщен конкретными топографическими намеками, создающими атмосферу зашифрованности по принципу: «Понятно тем, кому должно быть понятно».

5–6 *...лишь ночные / Перекликались часовые...* – Намек вводит в смысловую картину образ Петропавловской крепости со всем кругом вызываемых ассоциаций.

8 *С Миллионной раздавался вдруг...* – Намек на возвращающегося в этот час из театра в свою квартиру на Миллионной, в казармах Преображенского полка, П. А. Катенина. Катенин писал *П* о первой главе: «Кроме прелестных стихов, я нашел тут тебя самого, твой разговор, твою веселость и вспомнил наши казармы в Миллионной» (XIII, 169). Стихи включали

Шульц К. *Кофейня в Летнем саду*. Литография из серии «Живописные виды императорских дворцов и садов в окрестностях Санкт-Петербурга» с работы И. Мейера. Ок. 1850. Метрополитен-музей, Нью-Йорк

П и Онегина в атмосферу споров на квартире Катенина, который в эту пору был и одним из теоретиков литературной группы «архаистов», и лидером конспиративного Военного общества.

Рожок и песня удаляя... – Мнение Бродского, согласно которому имеется в виду роговая музыка крепостного оркестра трубачей (*Бродский*. С. 112), видимо, ошибочно: «Роговая музыка в России просуществовала только до 1812 года» (*Пыляев М. И.* Старый Петербург. СПб., 1903. С. 74). Имеется в виду обычай богатых жителей Петербурга в начале XIX в. кататься по Неве, сопровождая прогулку хором песельников и игрой духового оркестра. Ср.: «Хоры песенников, т. е. гребцы и полковой хор, то сменялись, то пели вместе, а музыканты играли в промежутки.

ореоле. Однако в целом интонационном движении строфы она приобретает ироническое звучание, поскольку в результате победы Разума над Предрассудком торжествует не Свобода, а Эгоизм.

5

Мы все глядим в Наполеоны... – отношение *П* к Наполеону во время работы над второй главой было сложным. С одной стороны, в условиях реставрации и торжества реакционных монархий фигура свергнутого императора французов была окружена не только политическим, но и личным обаянием. Вяземский писал в 1820 г.: «Наполеон приучил людей к исполинским явлениям, к решительным и всеразрешающим последствиям. „Все или ничего“ – вот девиз настоящего. Умеренность – не нашего поля ягода» (Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 2. С. 50).

Однако, с другой стороны, в свете критики романтизма, актуальным для *П* начиная с 1823 г. выступало другое обличие Наполеона: он становился символом и высшим проявлением всеевропейского эгоизма, в его деятельности подчеркивался политический аморализм и готовность всем пожертвовать личному честолюбию. А эти свойства были для *П* этическими соответствиями того, что в политике выступало как деспотизм. Наполеон в такой трактовке становился создателем новой тирании:

Явился Муж судеб, рабы затихли вновь,
Мечи да цепи зазвучали

(II, 314).

Наполеон связывался с типом разочарованного эгоиста, которому «чувство дико и смешно», с теми «безумцами», которые «рекли»: «Нет свободы» (Там же).

«Мы», от лица которого написана строфа, вносит голос этого поколения романтических эгоистов. Из него исключены автор, отделенный от тех, кто почитает «всех нулями», ироническим тоном, и Онегин, который «вчуже чувство уважал» и был «снее многих». Это отличает строфу от, казалось бы, текстуально близкой к ней XLVI строфы главы первой. Там мысль:

Неизвестный автор. Карикатура на Наполеона. 1803.
Wellcome Collection

La morale est dans la nature des choses.

Necker – «Нравственность (мораль) – в природе вещей». Неккер. *Неккер* Жак (1732–1804) – политический деятель и финансист, в начале французской революции XVIII в. был министром Людовика XVI, отец Ж. де Сталь. Эпиграф взят II из книги Ж. Сталь «Размышление о французской революции» (1818), где эти слова включены в следующий контекст: «Вы слишком умны, сказал однажды Неккер Мирабо, чтобы рано или поздно не заметить, что нравственность в природе вещей» (см.: *Томашевский Б. В.* Французская литература в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма Пушкина к Е. М. Хитрово, 1827–1832. Л., 1927. С. 254–255).

В сопоставлении с содержанием главы эпиграф получает ироническое звучание. Неккер говорит о том, что нравственность – основа поведения человека и общества. Однако в русском контексте слово «мораль» могло звучать и как нравоучение, проповедь нравственности (ср.: Словарь языка П. С. 622; «Не докучал моралью строгой» (1, III, 12) и более позднее: «Мне граф <Орлов> мораль читал» – Н. А. Некрасов, «Суд»). Показательна ошибка Бродского, который перевел эпиграф: «Нравоучение в природе вещей» (*Бродский*. С. 206). Возможность двусмысленности, при которой нравственность, управляющая миром, путается с нравоучением, которое читает в саду молодой героине «сверкающий взорами» герой, создавала ситуацию скрытого комизма.

Строфы I–VI в тексте романа опущены и заменены точками, хотя I–IV из них были уже известны читателю по публикации 1827 г. в № 20 «Московского вестника» (с. 365–367. См.: VI, 646–648). То, что автор исключил уже известные читателям четыре строфы, прибавив к ним номера еще двух, видимо, вообще не написанных, одновременно напоминает о существовании исключенного текста и мистифицирует относительно несуществующего с помощью «пустых» номеров. Это как бы выводило роман за пределы собственного его текста, показывая, что известный читателю ряд строф и уже, и шире романа подобно тому, как всякий рассказ о событии уже и шире самого этого происшествия. Ср. с отступлением, данным в скобках в гл. LII

«Красного и черного» Стендаля: «Здесь автор хотел поместить страницу многоточий. Это будет иметь плохой вид, сказал издатель, а для такого легкого произведения плохой вид – смерть...» Далее Стендаль поместил пространное рассуждение автора и издателя о том, как следует сочетать в романе политику и искусство. Демонстративное введение внетекстовых элементов в текст романа было порождено новаторскими поисками в области реалистической структуры.

VII

1–10

Чем меньше женщину мы любим... – Рассуждение, данное в романе как принадлежащее Онегину («Так точно думал мой Евгений» – 4, IX, 1), – переложение в стихах отрывка из письма П к брату: «То, что я могу сказать тебе о женщинах, было бы совершенно бесполезно. Замечу только, что чем меньше любим мы женщину, тем вернее можем овладеть ею. Однако забава эта достойна старой обезьяны XVIII столетия» (XIII, 50 и 524).

13–14

Со славой красных каблучков / И величавых париков. – Высокие красные каблучки были в моде при дворе Людовика XV. «Красные каблучки» сделалось прозвищем предреволюционной аристократии. Большие парики были модны в первую половину XVIII в. На рубеже XVIII и XIX вв. они уменьшились, а затем вышли из моды и сохранялись лишь в быту у стариков, а также в особо церемониальных случаях (например, как часть дипломатической одежды, на торжественных придворных приемах, в одежде лакеев и пр.).

X

9

На вист вечерний приезжает... – Вист – карточная игра для четырех партнеров. Считалась игрой «степенных» солидных людей (<Страхов Н.> Переписка моды... М., 1791. С. 31). Вист – коммерческая, а не азартная игра, носила спокойный характер.

XI

7

И в сладостный, безгрешный сон... – «Сон» у П часто употребляется как синоним «мечты». Такая синонимия, с одной

стороны, поддерживалась специфической семантикой слова «мечта» в церковнославянском языке («призрак», «сновидение»; ср.: «сонное мечтание» – *Алексеев П.* Церковный словарь... СПб., 1819. С. 135), а с другой – наличием единого адекватного во французском языке – *le rêve*.

XII
XVI

Проповедь Онегина противопоставлена письму Татьяны совершенным отсутствием в ней литературных клише и реминисценций. Комментаторы иногда сопоставляли стихи 9–14 строфы XIV с «Оберманом» Сенанкура. Сближение это представляется искусственным. Смысл речи Онегина именно в том, что он неожиданно для Татьяны повел себя не как литературный герой («спаситель» или «соблазнитель»), а просто как хорошо воспитанный светский и к тому же вполне порядочный человек, который «очень мило поступил / С печальной Таней». Онегин повел себя не по законам литературы, а по нормам и правилам, которыми руководствовался достойный человек пушкинского круга в жизни. Этим он обескуражил романтическую героиню, которая была готова и к «счастливым свиданьям», и к «гибели», но не к переключению своих чувств в плоскость приличного светского поведения, а *П* продемонстрировал ложность всех штампованных сюжетных схем, намеки на которые были так щедро разбросаны в предшествующем тексте. Светская отповедь Онегина отсекала возможность и идиллического, и трагического литературного романного трафарета. Им противопоставлялись законы лежащей вне литературы жизни. Не случайно во всех последующих строфах главы доминирующей делается тема литературной полемики, разоблачения литературных штампов и противопоставления им действительности, истины и прозы. Однако при наивной книжности у начитавшейся романов героини есть непосредственность и способность к чувству, отсутствующие в душе «трезвого» героя.

XVII

(Как говорится, машинально)... – *Машинально* выделено курсивом, поскольку воспринималось как шокирующая

6

Воробьев М. Н. Петербург. Острова. 1819.
© Всероссийский музей А. С. Пушкина

